
Лада Сёмина

29.4

Рассказ

Фото № 17.

В центре снимка высокий худощавый мужчина тридцати-тридцати пяти лет. На нем дорожные пыльные ботинки, черные брюки и белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Рукава рубашки запачканы чем-то красным. Выражение лица мужчины сосредоточенное, взгляд серых или синих глаз устремлен прямо в объектив. Правой рукой он опирается на спинку деревянного стула с зеленой обивкой, в левой руке держит пистолет.

Первое, что видит Яков, когда открывает глаза, — это цифры. Они красные и ненастоящие, потому что состряпаны из крохотных пиксельных квадратиков, электронного суррогата чего-то реального. Зато они яркие и делают больно заспанным глазам, а это лучший способ проснуться: через плиточные ноль шесть — ноль пять, а по выходным — один ноль — ноль один. Якову нравится думать, что цифры соревнуются между собой, пасуют и забивают голы, кто-то побеждает, и Яков всегда оказывается в нужной команде.

Яков любит цифры больше, чем буквы. Если честно, больше, чем многое, сильнее разве что его привязанность к гороховому супу с кусочками поджаренной «Докторской». Он заказывает суп в столовой на первом этаже офисного здания каждый вторник. Вторники Яков отмечает в рабочем настенном календаре оранжевым ромбом: выглядит как медаль. Ему нравится награждать вторники, поэтому до вечера он самый доброжелательный и отзывчивый человек в офисе.

Среда зеленая и зигзагообразная, как змея. Яков никогда не видел живую змею, но знает, что она похожа на лоснящуюся ленту и извивается. Обвивая среду изумрудной чернильной спиралью, он и сам немного извивается и пританцовывает. Обычно именно тогда в его кабинет кто-то заходит, поэтому по средам Яков хмурится, шикает и шипит.

Сегодня — четверг. Он наступил как обычно в ноль шесть — ноль пять, вспыхнув химической краснотой, сворованной из дешевого клубничного желе в стаканчике. Яков пролежал неподвижно еще двадцать минут. Первое, что он увидит, когда приедет на работу, — это зал заседаний. Сегодня — собрание.

Лада Сёмина работает контент-менеджером и иногда катается на электричках, пишет рассказы-короткометражки. Участница лонг-листа премии «Независимое искусство — 2019». Живет в Уфе. Это первая публикация автора.

Все собрания скучные и блеклые, поэтому четверг в календаре Яков никак особенно не помечает — он его просто зачеркивает. Самый нелюбимый его день. Неудивительно, что сразу после идет пятница, как утешительное поощрение, как хлопок по спине: мол, еще немного, и уже завтра проснешься от зеркально отраженных цифр. Яков считает, что это красиво.

Сегодня, где-то через полтора часа, цифры тоже будут, и разные: ряды цифровых соцветий напротив фамилий, пригвожденных чернилами к листу. Это коды: кто из сотрудников опоздал, кто вовремя не сдал отчет, кто нагрубил клиенту, а кто его обсчитал. Яков в офисе на хорошем счету — у него не только свой кабинет, календарь на холодной стене и набор разноцветных ручек, но и привилегия быть одним из тех, кто решает, чье нарушение можно стереть, не заметить, махнуть на него рукой, а на чье отреагировать штрафом или чем похуже. По слухам, сегодня намечается как минимум одно похуже. Яков выхватил взглядом красные цифры, присвистнул, мысленно отказался от завтрака и наконец встал.

Фото № 24.

На траве лежат два пушистых котенка, у них рыжеватая шерсть и белые мордочки. У котенка, что слева, между передних лап зажат маленький красный мячик. Глаза у него ярко-зеленые; второй котенок зажмурился.

Зал понятный — он круглый и вместительный. Стол прямоугольный, устойчивый и тоже понятный. Лампочки светят, мигают и гаснут, бумага шуршит, ручка оставляет отметины, а стулья скрипят и у них есть колесики. Все простое и объяснимое, с заданной функцией или формой, которую легко повторить или обозначить. Буквы — другое дело. Всякие, кучные и скучные, большие и маленькие, то с круглым пузом, то острые, как шпильки. Все по-разному их пишут, и слова из них получаются разные, даже если, вообще-то, одни и те же — понять ничего невозможно. Яков и не пытается. Буквенный сумбур, словесная распушенность, текстовые шарады — все это не для его мира упорядоченных порядочных цифр. От этой кутерьмы у Якова болят глаза, устают голова и опускаются руки. Поэтому четверговые собрания его так огорчают и нервнируют, как огорчает и нервнует ветер, дергающий занавески, или путаница в ящиках с бельем, или пленка на остывшем гороховом. Яков за порядок, смирный покой и понятные вещи. Поэтому согласился приходить на собрания, сидеть на скрипучих стульях и черкать бумагу размашисто — нажмешь посильнее и, глядишь, ручка-спичка салютует выброшенным в воздух пламенем.

Собрания тоже за порядок: в офисе, в коллективе, в градации документов внутри пухлых папок, разложенных на прямоугольном столе перед каждым занятым стулом с колесиками. Сверху — доносы, записки, характеристики, личные дела, а стеснительные объяснительные в самом конце. Они не мятые, не морщинистые от заломов, не запачканные чернильными пятнами — кажется, объяснительные здесь от чего-то трепетно берегут, поэтому их почти никто не читает.

Яков не читает точно. Да и все прочие бумаги из папок, испещренные неясными словами, тоже. Разве что повертит листок в руках, помусолит, выцепит цифры и числа, вспомнит, что зашифровано под каждым кодом.

В записке на Михаила из шумного помещения с перегородками — 3, 15, 14, 21. Пропустил рабочий день, не предложил клиенту допослугу, повысил голос, раньше ушел домой.

В папке Анны из соседнего отдела — одни нули. Не вытягивает по показателям. В доносе на Раю с последнего этажа — 10, 10, 10, 10: только десятки.

Что означают десятки, Яков не знал. Но Рая сегодня сидит в центре круглого зала, и ее папка в стопке на столе последняя, нижняя, десертная. То самое «или что похуже» за этот четверг будет про нее. Яков заерзал, глядя на часы.

Через шестьдесят конвульсий минутной стрелки, выступлений по очереди и общего голосования папка Анны уплыла в шкаф для первых предупреждений, а папка Михаила — на стеллаж для лишения месячной премии. Осталась папка Раи и сама Рая — центр окружности и завтрашних офисных пересудов. Скрип и шорох играли в зале свою музыку, она расходилась волнами и отскакивала от Раиных острых — как у 7-ки — плеч. Яков считал про себя: десять, десять, десять, десять.

Человек через два стула от него приподнялся с места, став самым высоким объектом в зале, местной радиовышкой, фонарным столбом.

— Рая, мы благодарны, что вы не отказались присоединиться к сегодняшнему собранию. Не всегда такие дела проходят мирно и спокойно, к сожалению. Обязуюсь: мы учтем ваше содействие при голосовании. Итак, готовы ли вы ответить на несколько вопросов? Не хотелось бы сильно затягивать.

Рая кивнула. Листы сразу зашуршали пуще прежнего: захлопали то ли в ладоши, то ли бумажными крыльями. Яков уставился на чернильные десятки. Раньше он не видел такого кода.

— Известно ли вам, что со 197 года по новому-новому стилю информационное пространство составляет только один вид контента?

Рая смотрит на прячущихся за столом людей: ни на кого в отдельности, но на всех разом.

— Да.

— Известно ли вам, какой именно это вид контента?

— Да. Текстовый. Это тексты.

— Пожалуйста, ответьте на вопрос развернуто, чтобы мы могли оценить, насколько правильно вы понимаете то, о чем говорите. Что, по-вашему, может содержать текст?

— Слова.

— Только слова? А изображения?

— Нет.

— Аудиоряд? Видео?

— Нет. Только письменное начертание слов. Изображения, аудио, видео — ничего из этого сейчас не используется.

— Вы понимаете, что это общепринятое правило относится и к нашей с вами стране, городу, месту работы?

— Понимаю.

Рая держится за краешки стула рядом со своими ногами. Она все понимает. Она смотрит в лица, выжидает и хватается за сиденье, чтобы не сорваться. Интервьюер сел и снова сравнялся со всеми ростом, скрыв добрую часть туловища за глухой вытянутой деревяшкой.

— Хорошо, Рая. Коллеги, теперь обращаюсь к вам. Напомню, что наша сотрудница обвиняется в незаконном и, признаться, неуместном распространении одинаковых фотоснимков, распечатанных на листах формата А5. Передача визуального контента происходила через ящики для корреспонденции, установленные в пролетах между этажами. Письменная расшифровка изображения приведена в папке отдельным документом. Зачитываю:

«На фотографии запечатлен деревянный мост над рекой, он выглядит старым и требующим ремонта. Вода в речке темная, небо пасмурное. На мосту стоит женщина в белом длинном платье с поясом. На ее голове светлая косынка, из-под которой выбилось

несколько темных локонов. На шее небрежно повязан сиреневый шарф, он развеивается на ветру. Женщина замахнулась, как будто хочет бросить в реку камень. Она смотрит куда-то в сторону, словно пытаясь понять, наблюдают ли за ней. Но вокруг больше никого нет».

Стол загудел и исчез под ворохом истерзанных буквами листов. Яков закрыл глаза и беззвучно зашевелил губами.

— Коллеги, проголосуем. Еще раз подчеркну, что обвиняемая не уклонялась от явки на собрание. Но важно заметить, что с фотографиями успело ознакомиться как минимум двадцать процентов всех сотрудников офиса и еще трое — при подготовке материалов для личного дела. Это можно считать за вовлечение в пассивное нарушение текущего запрета на...

Сиреневый шарф. Наверняка тонкий, может быть, даже полупрозрачный. Белое длинное платье. Ветер. Женская рука. Мост над речкой. Яков повторял, запоминал и множил внутри себя слова-картинки. Он никогда не видел этот мост, эту реку и эту женщину и не понимал, почему он все же видит их прямо сейчас — так живо и ярко, до запаха тины, до шершавости перил, до свиста прохладного ветра, до нежности чужой кожи под его пальцами.

— Яков, ваша очередь.

Летний ветренный день сгинул в круглом котле зала заседаний. Соседи нетерпеливо смотрели на Якова. Яков смотрел на Раю. Рая смотрела в пол.

— Мне... мне нужно ознакомиться с материалами дела повторно. Еще раз. Да. И, если это возможно, — совсем тихо добавил Яков, — поговорить с обвиняемой.

Бумажные птицы вспорхнули со столешницы на полсантиметра вверх, когда Рая и Яков одновременно вышли в соседнюю маленькую переговорную. В переговорной ожидаемо тесно и полумрак. Яков терзал в руках папку и раздумывал, стоит ли ему занять единственный здесь стул.

— Если вас попросят вообразить комнату, что именно вы представите?

Яков вздрогнул от голоса Раи прямо у своего уха.

— Не знаю, меня еще не просили.

— Я прошу.

Рая протиснулась вперед и села на маленький стул без спинки.

— А, хм... Что ж. Маленькая, с креслом в углу, набитая ненужными вещами.

— В каком углу кресло?

— В том, что ближе к окну.

— Свет есть?

— Нет, темно. Хотя погодите: есть от монитора, его хватает, чтобы подсветить кресло. Там человек.

Яков не понимал, почему он так ответил, и на всякий случай схватился за ручку двери, чтобы можно было выскочить из духоты переговорной и этого странного допроса в любой момент.

— Что делает человек?

— Снимает и надевает наушники, снимает и надевает.

Яков вытер лоб.

— Зачем он это делает?

— Я не знаю, ему... страшно.

— Почему ему страшно?

— Его могут застукать.

— Что тогда с ним будет?

— Не знаю, вы мне скажите.

Рая стала болтать ногами. Яков только сейчас заметил, какая она маленькая — как единичка.

— Вы же знаете, что меня могут уволить, да? С соответствующей отметкой в характеристике. Если проголосуете так же, как они все, — Рая кивнула в сторону двери со вставкой матового стекла. — Не то чтобы я этого боялась — если б боялась, вообще ничего бы не затеяла. Вы понимаете?

— Да... нет, подождите, что это вы у меня сейчас такое спрашивали? Про комнату и остальное?

Рая посмотрела на руки Якова.

— Вы не заметили, что на собраниях у вас многое не договаривают? Вот откройте, откройте папку.

Яков подошёл ближе к Рае и квадратному столику на ножке, похожему на те, что можно встретить в кафетериях, и торопливо начал раскладывать листы с буквами, словами и предложениями. Сколько слов может быть в честь всего одного человека!

— Да, вот. — Рая постучала пальцем по одному из листов. — Это они благополучно проигнорировали, трусы. Вы сами-то видели? Ну, читайте.

Яков нагнулся к неподатливым буквам, чуть ли не прилег на заваленный бумажками стол. Как же ему хотелось, чтобы субботние один ноль — ноль один наступили прямо сейчас.

— Без очков мне трудно, не взял, — соврал Яков. — Прочтите вы.

Рая кивнула.

— Вот здесь, да. *«Помимо распечатанной фотографии в количестве шестидесяти экземпляров, у обвиняемой по делу № 10 на рабочем компьютере были найдены файлы с ныне не используемыми видами контента: музыкальный клип группы Derezhe Mode, эпизод сериала «Друзья», видеоролик с утятами, переплывающими озеро, и запись песни коллектива Гр.Об. Исходя из этого, можно предположить, что обвиняемая планировала передать коллегам также и эти виды информации, запрещенные к распространению и дальнейшему использованию. Указанные файлы скопированы на индивидуальные носители для сохранения и протокола, как того предписывает инструкция. К материалам, обязательным для ознакомления членами собрания, не относятся».* Господи, какой отвратительный сухой язык! У вас остался один только текст, так оживите его, разукрасьте, добавьте того и этого и немножко света, а не исходяизэтогоможнопредположить!

Рая восклицала, фыркала, передразнивала и одновременно копошилась в папке, пока не вытянула оттуда конвертик с флешкой. Яков не возражал, не прерывал и не задавал вопросов, просто смотрел, как обвиняемая по делу засовывает флешку во встроенный в стену переговорной компьютер — на секунду внутри стало сыро и липко от страха, будто сейчас он и впрямь окажется соучастником преступления. Но Рая действовала быстро, и страх не успел вырасти во что-то стоящее.

— Смотрите, смотрите внимательно! Ну, что в этом такого? Почему я не могу показать это вам?

И Яков смотрел. Сначала на синюю воду с щипками волн — будто вмятины на простынях после сна. На бурую утку, делающую «рэб-рэб-рэб». На смешных коричневых утят с желтыми важными мордочками. На деревья, машущие макушками. Потом — на странного человека в алой мантии и короне. Он нес стул-раскладушку и зачем-то взбирался на гору. И пел — Яков не был уверен, он сто лет ничего не слышал, кроме хора автомобилей и голосов в офисе, но этот мужчина наверняка, наверняка пел. Якова что-то обожгло, укололо, цапнуло — то ли в живот, то ли в горло, — и он заплакал. Рая смутилась и вытащила флешку. С минуту оба молчали. Яков перевел дух.

— У вас есть еще что-то, Рая? Ну... файлы. Такие.

Яков и Рая напряженно смотрели друг на друга. И вопрос, и ответ на него были рискованными.

— Зачем это вам?

— Да мне самому... Дело в том, Рая, что я не очень лажу с текстами, буквами этими, совсем не лажу, если честно. Я не читаю, вообще. У меня только цифры и эта

работа — тоже с цифрами. Это не мало, но и не много, это всего лишь один уголок, в который едва попадает свет. А у вас тут... не знаю... мир?

Яков задохнулся, запнулся, на секунду перестав понимать самого себя, и беспомощно, просяще уставился на Раю, на ее взлохмаченные вихры — рябь на озере, на угловатое лицо и молочную кожу — игра света на воде. Рая виделась Якову мостом, горной тропой, лесом на горизонте; она ничем не владела в действительности, ничего себе не присваивала, а только пыталась отдать, подсунуть, спрятать под чужую подушку монетку — умытую летними дождями и круглую, как земной шар. Только одной монеты Якову, давно обворованному и обедневшему, было мало — он очень хотел еще.

— Вы осознаете, что они могут сделать? — Рая загибала уголки на бумажных листах со строгими буквами и бессмысленными словами. — За мир, как вы говорите, за музыку, застывшее время, красоту? Стоит подойти к окну и раскрыть занавески, как тебе вместо солнца посветят в лицо фонарем. Эти унижительные выволочки и собрания с последующими санкциями — не просто поддержка невыносимо глупых запретов, это навязанное обязательство просидеть всю жизнь в одном кресле неподвижным слепцом. Потом кресло станет неповоротливым и громоздким, как допотопная инвалидная коляска, которая не пролезает ни в какие двери, и так мы все в ней и зачахнем, Яков, зачахнем — вот что нас ждет, понимаете?

Яков бережно взял ладонь Раи в свою — пронизывающий ветер с реки. Хоть Яков и сомневался, что все правильно понял, кое-что до него дошло четко: неприветливая мрачная комната со старым креслом в углу — его, и такая комната у всех людей в этой стране и в этом городе, на какую бы работу они ни ходили. Это вдруг оказалось яснее любой из его понятных цифр, которые он выводил в отчетах с утра до вечера. Якову захотелось сбежать из давящей переговорной. Куда — неизвестно, но он знал, что дышать темнотой, пылью и страхом ему больше не хочется, и сидеть в кресле-коляске не захочется тоже. Ему хочется открыть окно.

Идея пришла раньше, чем Рая успела измять последние страницы из своей папки. Яков наклонился к ней, пряча от водоворота круглого зала за стенкой, и быстро, горячо зашептал.

Видео № 1.

Мама-утка ведет за собой утят: все вместе они переплывают спокойное синее озеро. Утка негромко крикает. У утят коричневые

Фото № 13.

На черно-белой фотографии запечатлен вагон поезда, из окна которого высовывается рука, сжимающая платок с кружевной отделкой.

Аудио № 1.

Сильный и хриловатый мужской голос громко поет песню со следующими словами: Границы ключ переломлен пополам, А наш батюшка Ленин совсем усоп. Он разложился на плесень и на липовый мёд,

великан садится перед камином и, направив на зонтик, зажигает огонь. в очках удивленно смотрит приоткрыв рот. Мужчины переглядываются.

Картинка № 2.

На картине изображен сосновый лес, некоторые деревья поломаны. Медведи

Обе девушки решают ос- с фиолетовыми стенами.

Яков открыл глаза: будильник транслирует счет «один ноль» — «ноль один». Нет, не суббота и не воскресенье — понедельник. В пятницу Яков отпрашивался на весь день, а сегодня он никуда не торопится: слишком устал на выходных развешивать листовки с текстами в пустом офисе. Во всех, в том числе невыносимо глупых запретах найдется лазейка: тексты разрешены, а воображение запретить невозможно — даже Якову, который никогда не видел живую змею.

Рая одобрила идею Якова на месте, в переговорной, у четвергового собрания прямо под носом. Распространять законопослушный текст, который сам по себе образ, звук и движение, показалось ей дерзким и вместе с тем очень правильным — это как отражать чужеродный свет фонаря обратно через крохотное зеркальце, запрятанное в складках массивных штор.

Яков оставил на стенах в офисе только часть листовок, остальные решено было расклеить по городу — окна лучше распахнуть во всех домах сразу. Рая готовит для Якова еще расшифровки: все больше и больше песен, фильмов, картинок и фотографий превращаются в самые важные слова. Ее все же уволили — оказалось, если один воздержится и не станет голосовать, обвиняемого это не спасет. Якова наверняка тоже уволят, наверняка прямо сегодня. Но это уже не страшно: у него есть клей для листовок, наушники и все альбомы *Depeche Mode*.